

Виктор
Добросоцкий

Белый лебедь

Виктор Добросоцкий
Белый лебедь (сборник)

«У Никитских ворот»

2016

УДК 82.3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

Добросоцкий В. И.

Белый лебедь (сборник) / В. И. Добросоцкий — «У Никитских ворот», 2016

ISBN 978-5-00095-229-0

Книга художественной прозы Виктора Добросоцкого – явление незаурядное для нашего времени. Во-первых, потому что основной нерв ее (и романа, и рассказов) – это совершенно очевидная принадлежность к романтической традиции русской литературы. Сегодня, на фоне засилия с юности «умудренных» и преждевременно «уставших» от мировой культуры авторов, такое открытое следование романтической традиции вообще-то поступок. Но поступком (а «настоящая книга – это всегда поступок», поверим Андрею Тарковскому) является не только это. Виктор Добросоцкий вступает на территорию современных, можно сказать, еще не отвердевших смыслов – его герои выхвачены из нашего мятущегося настоящего, и все они: и «заказанный» своей женой миллионер, и старенький трогательный немец, и молодая, отмеченная необычайными способностями женщина, и многие другие герои автора – явно соприродны самому Добросоцкому. И отмечены всё той же «несовременной», но очень всем нам необходимой романтикой. В отношениях, поисках смыслов, поступках... Можно не сомневаться, что книга послужит подлинным подарком для всех любителей русской и мировой романтической традиции.

УДК 82.3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

ISBN 978-5-00095-229-0

© Добросоцкий В. И., 2016

© У Никитских ворот, 2016

Содержание

От автора	7
Мерцание смыслов	9
Белый лебедь	13
Глава 1	13
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Добросоцкий

Белый лебедь (сборник)

© Добросоцкий В.И., 2016

© Вступительная статья. Шорохов А.А., 2016

© ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

От автора

Пятнадцать лет творчества – это много или мало? Для меня это большая жизнь в мире миллионов родственных душ. Душ, читающих мои книги, душ, воспринимающих мои фильмы, спектакли, песни...

Это удивительное наслаждение виртуального, заочного и очного общения с миллионами незнакомых, но близких душ, которые живут в унисон с биением моего сердца, моих мыслей и жизненных ощущений.

Перед премьерой спектакля «Продавец игрушек» около служебного входа Театра им. Вахтангова ко мне подошла девушка и протянула мою книгу «Человек хочет стать морем, но...» для автографа. Она прилетела на премьеру специально из Татарстана и сияла счастьем встретить меня – совсем незнакомого, но, видимо, очень близкого по душевной природе человека.

Сколько таких счастливых минутных встреч происходит в моей жизни... Я безмерно благодарен всем, кто своими добрыми и искренними сердцами помогли и помогают мне реализовывать творческие проекты.

А все началось случайно, в 1998 году, со знакомства с удивительным, ярким человеком – Антоном Барщевским. Он своим пытливым взором случайно обнаружил на моем рабочем столе маленькую новеллу «Ностальгия по будущему», которую я написал просто из чувства долга – обещал академику Загарулько поведать эту удивительную историю миру... Антон сказал сразу: «Будем снимать!» – и как вихрь внес меня в мир Кино. К сожалению для авторов и к счастью для меня, написанные литературные сценарии не совпали с моими ощущениями, связанными с этой историей. Чтобы показать, как я вижу будущую картину, мне пришлось написать свой вариант сценария и отослать Антону. Ночью он перезвонил мне и с восхищением сказал, что сам Аркадий Инин благословил меня на литературный путь, произнеся: «Это не сценарий. Это роман. Этому человеку надо издаваться».

Так вышел первый роман, «Ностальгия по будущему», и великая поэтесса и человек Римма Казакова рекомендовала меня в Союз писателей Москвы. Так я стал через перо и киноленту передавать свои жизненные ощущения.

Мое стремление говорить с людьми своими переживаниями поддержало много поистине великих людей, которые сегодня с нами или ушли на другой виток своего путешествия по Вселенной, но остались с нами навсегда в памяти. Это Святейший Патриарх Алексий Второй, Антон Барщевский, Аркадий Вольский, Андрей Вознесенский, Михаил Козаков, Римма Казакова, Андрей Петров, Валентина Толкунова, Маргарита Эскина. И, конечно же, это мой отец Иван Добросоцкий, всегда трепетно гордившийся каждым малым моим успехом. Мне так его не хватает.

Я желаю здравствовать людям, которые в той или иной степени повлияли на мое творчество, став его участниками, соавторами, верными помощниками:

Владыка Иринарх, Виктор Баранов, Сергей Багиров, Андрей Бусыгин, Юрий Васильев, Рубен Варданян, Евгений Валериус, Николай Девяткин, Борис Диодоров, Ирина Герасимова, Нонна Гришаева, Александр Журбин, Сергей Зернов, Евгений Залешин, Дмитрий Кирпиченко, Кирилл Крastoшевский, Евгений Князев, Ольга Кабо, Николай Нестеров, Виктор Озеров, Пьер Ришар, Николай Рыжков, Дмитрий Рыболовлев, Иван Сидорок, Юрий Соломин, Сергей Тарасов, Юрий Трутнев, Олег Толкачев, Александр Торшин, Карина Филиппова, Елена Цыплакова, Карен Шахназаров.

Отдельная моя благодарность издателю моих книг – моей жене Наталье Добросоцкой за любовь к красивой книге и детям Наталье, Ивану и Дарье, поддерживающим меня даже в актерском амплуа.

Здесь сотни недописанных имен людей, которые, может, и сами о том не подозревая, в какую-то минуту моей жизни ободрили, помогли советом, дали новые силы и оригинальные идеи незаметно, между прочим брошенными, но очень важными для меня словами. Возможно, очень скоро появится книга об этих удивительных людях, с которыми мне посчастливилось встретиться и чьим общением наслаждаться.

Эта книга особая. В ней мне хотелось поделиться сокровенным. Это гимн любви и смыслам нашего земного полета: роман «Белый лебедь», а также мои удивления, восхищения, размышления в новых рассказах.

Жизнь продолжается, она сама дарит нам новые сказания, а писатель имеет маленькую честь остановить мгновение своим пером и вернуть читателя к тем главным эмоциям, потеряв которые, мы лишаемся возможности быть счастливыми. Ибо только эмоции удивления и смеха возвращают нас к новым и новым приятным мгновениям переживания наших чувств в прошлом, настоящем и будущем!

Ваш автор

Мерцание смыслов о прозе Виктора Добросоцкого

Что отличает одаренного человека от того, кто только хотел бы им казаться? Простодушные. Моцарт был простодушен. Нынешние дельцы от искусства даже ставят Моцарту это в упрек. Сальери тоже ставил...

И, тем не менее: как сказал преподобный Амвросий Оптинский: «Где просто, там ангелов – дó ста».

Просто все онтологические ценности «просты». Человек нагим приходит в этот мир. И туда он тоже уходит нагим. В какой бы дорогой костюм его ни обрядили...

Добро, как свидетельствуют святые отцы, – тоже просто. Не бывает «сложного добра».

К сожалению, эти простые истины миру постоянно приходится напоминать. Кто-то это делает с амвона храма, кто-то с монитора компьютера, кто-то со страниц книг и телеэкрана. Но мало напоминать – этим истинам нужно еще и соответствовать.

К последним, без сомнения, следует отнести Виктора Добросоцкого. Нисколько не претендуя на тонкое и даже сколько-нибудь подробное знание его жизни. Просто (опять же – просто!) нельзя творить такой простой материей, как добро, не соответствуя ей. Обязательно изорвется, повиснет лоскутами. Обнажит зияющие провалы в пустоту...

Позывной «Надежда»

Наибольшего единения автора и его «лирических героев» в общем смысловом поле добра Виктору Добросоцкому удастся достигнуть в небольших рассказах, включенных в эту книгу. Не случайно они ее и замыкают – это, так сказать, торжество авторского высказывания и закрепление результата поисков.

Однако смысловым ядром книги, ее мировоззренческим реактором становится роман «Белый лебедь», который, как и положено форме эпической и объективной, погружает нас, читателей – в мир, где еще ничего не предрешиено, ничего не закончено, даже напротив – все запущено и непоправимо настолько, насколько только это и возможно в современном нам мире и обществе. Да еще в постсоветской России. Да еще в Москве. Да еще в большом бизнесе...

И хотя действие «Белого лебедя» начинается в безмятежных швейцарских Альпах – дыхание большого, криминального, развращенного города ощущается буквально за спиной главного героя романа – Сергея Северова. Оно неотступно, как телохранитель Степа, следует за ним на всем протяжении романа, пока Сергей наконец не находит в себе силы сбежать. Пока к нему не приходит помощь...

Добросоцкий, запуская реактор смыслов, ставит своего героя в «пограничную ситуацию», как ее определяли экзистенциалисты и прежде всего Карл Ясперс. Ситуацию «вины» и «смерти». Ситуацию, в которой у человека появляется шанс (только шанс!) узнать о себе нечто самое важное – то, что он действительно есть на самом деле...

У автора нет простодушной уверенности Ганса Христиана Андерсена в том, что гадкий утенок сам по себе, просто в силу законов природы непременно станет белым лебедем. Наш мир – отнюдь не сказочный, да и времени у главного героя не остается. Поэтому Виктор Добросоцкий «торопит» его. «Вручает» (руками лечащего врача) Северову повестку – о том, что если он не изменит себя, свою жизнь, свой образ мыслей, то через несколько месяцев – всё. Белый лебедь не увидит своего отражения в зеркальной глади пруда, так и умрет, не расправив крылья – гадким, обиженным на весь мир и себя самого утенком.

Самое забавное, что по первой своей, «горячей» профессии Сергей Северов должен бы и не очень бояться смерти. В прошлом – офицер ГРУ, прошедший Афган и другие «горячие точки», Северов не раз смотрел ей в лицо, да и потом – в его стремительном восхождении на вершины бизнеса, как и у всех его коллег по скоропостижной частной собственности, было много смертельно опасного, ежедневного риска. Но тогда – и на службе и в обогащении – была цель: вот достигну перевала, уведу группу из-под огня – и отдохну; вот заработаю денег столько, чтобы на всю жизнь – и будет счастье...

Только вот и группы его с задания уже все вернулись, и денег – за целую жизнь не потратишь. А счастья, даже того маленького, домашнего, которое было когда-то у уволившегося в запас офицера – с любимой женой и малышами-детьми – даже этого счастья нет. Дети предельно далеки, жена тихо и деятельно ненавидит. Главное же, некого винить, кроме себя, в том, что нет его, счастья.

А нет счастья – и жизни нет. Нет ее уже по самой ее сути, да и формально, как сказал врач – скоро не будет.

И в этой ситуации герой Виктора Добросоцкого получает вторую «повестку», и хотя выглядит она как простая стофранковая купюра, важно не это, важно – кто ее вручил.

Сам носитель «говорящей» фамилии Добросоцкий и своим героям дает «говорящие» имена и фамилии. Поэтому перед Северовым возникает не просто девушка: к нему обращается Вера. Задолго до того, как стать его Верой, она становится его верой в жизнь, последним, что его связывает с этой жизнью, но связывает настолько крепко, что перерубить эту связь не в силах ни нанятые убийцы, ни специально подготовленные агенты спецслужб.

Здесь, хранимый и вдохновляемый Верой, бывший боец ГРУ Сергей Северов и вступает в последнюю свою схватку – даже не за собственную биологическую жизнь, а за жизнь в единственном осмысленном значении этого слова. И если внешние силы, вставшие на его пути, благодаря тренированному телу и тренированному уму разведчика, удастся достаточно безболезненно вывести из игры, то схватка с самим собой, прежним, уже до неразличимости стершимся от ежедневной лжи, разврата, бессмыслицы жизни – схватка с самим собой оказывается самой беспощадной. И в этой схватке Сергей получает позывной «Надежда». Он не одинок в своей борьбе – тот, кто решительно двинулся навстречу сказке, не будет оставлен без помощи. Поэтому вместе с Верой в его жизнь приходит забытое в бетонных джунглях мегаполиса, утраченное, казалось бы, навсегда чувство гармонии – гармонии с природой, с самим собой, с движением собственной судьбы.

Оно не приходит внезапно, гармонии терпеливо и ласково обучает Северова прабабушка Веры, когда, раненый и едва живой, обдираясь о собственное прошлое и настоящее, Сергей словно бы проваливается в лесную сказку, где цветы радуются человеку, а звери внимают человеку слову. Здесь, во врачующей темноте лесной пущи, совершается таинство исцеления – телесного и духовного...

Сюжет «Белого лебедя» таит в себе детективную напряженность, пересказывать и даже намекать на многочисленные его перипетии не считаю нужным, но, думаю, не будет большим преступлением перед автором и читателем сказать, что человек, который еще совсем недавно всерьез даже не задавался вопросом: зачем он живет на этом свете? – этот же самый человек, получив позывной «Надежда», спустя всего сто страниц повествования и девять решающих месяцев собственной судьбы, будет пленять своими огрубелыми руками маленькую Любовь, открывая в ней и в своей Вере все новые и новые, бесконечные смыслы.

Собственно, на этом можно было бы и завершить наш небольшой разговор о романе Виктора Добросоцкого «Белый лебедь», если бы не одно «но». Автору показалось недостаточным наполнить собственное произведение философскими и смыслообразующими контекстами. В какой-то момент в нем шевельнулось хорошо знакомое для романтической традиции нашей культуры недоверие к логическому, рациональному... И он ввел в ткань повествования то,

что я для себя назвал «лирическими навершиями» его прозы. Прием, кстати, очень характерный для традиции Русского символизма (например, у Андрея Белого). Как бы опасаясь, что рациональное не сможет в полной мере передать чуда человеческой судьбы (а Сергей Северов здесь взят как обобщенный образ человека нашего времени) – Добросоцкий добавил в самые драматичные эпизоды повествования предельно ритмизованные отрывки – в которых как бы мелькает, как бы отражается то, что образцовым языком прозы передать невозможно: мерцание смыслов.

В какую-то уже вовсе родовую прапамять отправляет нас автор, взбираясь наверх по корням русских слов в своих лирических навершиях. И это отнюдь не спонтанно возникшее ухищрение – у Добросоцкого есть целая книга, собравшая такие малые поэтические формы: «Фая-тония». Потому как сами эти малые лирические отрывки получили у него обозначение «Фая» – от испанского праздника огня. Огонь, вспышка, мерцание смыслов. В нашем случае, в романе «Белый лебедь», эти лирические навершия венчают самые важные главы романа и дают дополнительный объем произведению, в том числе – и смысловой.

Папа Ганс и другие

Завершают книгу, как уже и отмечалось, рассказы. В рассказах более отчетливо проступает образ самого автора. Разумеется, Виктор Добросоцкий сохраняет известную дистанцию между собой и своим «лирическим героем», однако здесь мы видим гораздо более утонченную линейку инструментов повествования. Создается ощущение, что автор, устав от сдержанности «большого стиля», присущего роману, наконец-то вырывается на лирический простор малых прозаических форм, где возможны и ирония по отношению к героям, и даже самоирония; где есть возможность сказать интонацией гораздо больше, чем логически выверенными сюжетными ходами.

Мне кажется, что среди рассказов Добросоцкого особое место занимает рассказ «Папа Ганс». Название, прямо скажем, провокационное. Еще более провокационным оно становится, когда мы узнаём, что герой рассказа, старенький Ганс – и вправду когда-то воевал на Восточном фронте. Для русских – тема, безусловно, болезненная. И это неудивительно для народа, заплатившего цену в 27 миллионов жизней за Победу над фашизмом.

К тому же – в последние десятилетия мы уже неоднократно становились свидетелями «переписывания истории», когда нацистских извергов и убийц пытались объявить чуть ли не «спасателями Европы от большевизма».

Поэтому читать рассказ с таким названием начинаешь с пристрастием. И чувствуешь, как понемногу «отпускает», как начинаешь погружаться в мягкую, почти семейную (неслучайно же – папа Ганс) атмосферу этой удивительной человеческой истории. И нам открываются перипетии судьбы этого странного старичка, который в молодости служил заправщиком самолетов в Люфтваффе, попал в плен и навсегда сохранил благодарность русской докторше, пожалевшей худенького болезненного паренька и отпустившей его восвояси. И тот ужас, который встретил его на родине, то, до чего Германию довел фашизм. И то, как он спустя много лет в свою очередь практически усыновляет русского юношу и пытается помочь ему и новой России, оказавшейся у разбитого корыта после «перестройки» и развала Советского Союза.

В этой тихой истории с еще более тихой концовкой на самом деле есть что-то оглушающее – чего не достичь криками, надрывом и другими нарочитыми приемами. Какое-то чудо «очеловечивания» совершается здесь, что-то сокровенное из общих всем земнородным глубин рождения и смерти открывается нам и возвращает чувство такой хрупкой сегодня человеческой общности. Чуть не сказал – христианской...

И об этом – хотелось бы поподробнее. Виктор Добросоцкий нигде сознательно не высказывается на тему веры и ее постулатов, но его герои ищут – ищут ответы на последние вопросы,

они делают это как бы на ощупь – самими своими жизнями – мучительно нащупывая контуры добра в этом мире. И автор не навязывает им никаких выводов. Вполне возможно, они сами и сделают эти выводы, но это будет – уже в других книгах.

Однако и в этой книге есть рассказ, о котором нельзя промолчать. Потому что он возвращает нас к началу нашего разговора о прозе Виктора Добросоцкого: откуда автор берет силы работать и не отчаиваться в сложнейшем, напряженном, не очень-то (признаем это) и нужном современному миру – смысловом поле добра?

На этот вопрос отвечает героиня рассказа «Миллионерша», киргизская женщина, после случившегося с ней чуда принявшая Православие:

«Ваш Бог – самый лучший!» – заканчивает свой рассказ она.

Что ж, подводит итог автор: теперь это наш общий Бог.

Не обязательно принимать это на веру – просто стучитесь, ищите добра, и вы никогда не останетесь в темноте...

Алексей Шорохов

Белый лебедь

Чтобы поверить в добро, надо начать его делать.
Лев Толстой

Глава 1

*Судьба – божественное слово.
Судьба – неведомый полет.
Полет в стране неожиданных снов,
Снов длиною в жизнь.
«Судьбу не выбирают», – говорят фаталисты.
«Судьбу творят», – отвечают прагматики.
Прагматики придумали слово «Судьба»,
Придумали, положив в основу страшное слово «Суд»,
Нелепое слово «Суд».
Суд над полетом любви,
Суд над таинством ошибок,
Ошибок чувств,
Ошибок ума,
Ошибок провидения...
Суд над полетом жизни – удел не людей.
Не люди придумали крылья полета,
Не людям оценивать полет жизни.
Жизнь – это не судьба,
Жизнь – это сладкий поцелуй Всевышнего.
Не бойся придуманного суда людей:
Страх сжигает крылья.
Гордись подаренным тебе счастьем праведно жить!
Праведно жить по сложным законам никому не ведомой
траектории
Твоего земного полета.*

Сергей Северов мчался на велосипеде легко и радостно, преодолевая крутые виражи швейцарских горных тропинок. Дух его захватывало от внезапно открывающихся величественных пейзажей заливных альпийских лугов. Сергей неожиданно вспомнил городскую жизнь. «В Москве кажется, что, кроме автомобильных пробок, другой жизни не существует. И бредешь ты часами на «Мерседесе» со скоростью старого плешивого ослика и радуешься, что ты хозяин жизни с неограниченными возможностями. Ан нет, вранье. Ты всего лишь ряженный в крутые аксессуары смешной раб цивилизации. Ни влево, ни вправо. Плетись по течению дорожной реки. Работай, жри, пей, спи, чванливый клоун. А глотка горного воздуха тебе в Москве не купить ни за какие деньги. Восход солнца в горах тоже не купить. Дурацкую радость от утреннего пения птиц, беспричинный смех от пьянящего ароматами луговых трав воздуха – тоже фигушки. Бабок нет таких, чтобы миг счастья купить. Все покупается в Москве, а счастье – нет...»

За Северовым, еле успевая, недовольно морщась и бурча что-то себе под нос, крутил педали мужчина лет сорока, уже изрядно полноватый, но сохраняющий остатки бывшего атлетического телосложения. Это был Степа. Его лицо было простым и незаметным, как у профессионального разведчика. Крупные черты лица и небольшие, хитроватые, слегка мутные зеленые глаза выдавали в нем крестьянское происхождение.

Сергей обернулся и, заметив комичность Степиного выражения лица, невольно улыбнулся: «Сколько лет мы вместе... пять? семь? Да нет! Пожалуй, больше десяти. Интересная должность – хранитель чужого тела... Жить, чтобы хранить чужое тело. Значит, твоя жизнь ничего не значит. Получается, ты родился всего лишь для того, чтобы охранять жизнь другого человека. Ну нет! Степа, конечно, для меня больше, чем телохранитель. Степа – это преданность и мужская любовь... Чушь! Ни мужской, ни женской любви не бывает. И Степка, Степушка, Степашка предаст меня при первой же возможности. А может, и не предаст? Нет, предаст! Все измеряется деньгами. Плачу Степушке бабла много – вот и любит. Перестану платить – как и любой другой, сдаст за милую душу. Все люди либо ленивые кретины, либо продажные твари. Притворяются благородными. А на самом деле все хотят только денег... Никому верить нельзя. Даже себе... Вот и профессор Клаус... Вчера пригласил меня на выступление самодеятельного мужского хора из чокнутых швейцарцев. Да еще меня просил спеть. Обещал, что что-то там во мне откроется... Пусть скажет спасибо, что пошел слушать эту богадельню. Действительно, а зачем я пошел? Да пообещал сдуру – вот и пошел. Я слово свое всегда держу, да и любопытно увидеть, как пять миллионеров, дворник, водитель, массажист, садовник и повар вместе песни поют. Спрашиваю профессора: «Вы всемирное светило. Вы богатый человек. Зачем вам петь, да еще с этими недоносками стоять рядом?» А он давай втирать мне: «Пение – это разговор с Богом, а перед Богом все равны. Пение исцеляет души...» Сумасшедшие люди. Конечно, профессор столько от меня бабла скачал, что ему петь от счастья хочется, с Богом общаться. А Бог-то, получается, – это я».

– Шеф, вам надо на гонках выступать, – прервал размышления Степа. – Я не могу, шеф, так быстро. Я ведь по другой части у вас работаю. Я самбист, а не велосипедист. Завтра вы на дельтаплане полетите, и мне за вами? Контрактом смертельные риски от экстрима не оговорены.

«О контракте вспомнил. Как бабло получать ни за что на отдыхе в Швейцарии, так контракт не вспоминает, а как на велосипеде прокатиться с шефом, уже перенапрягся», – зло подумал Сергей.

Они подъехали к обрыву и остановились. Прямо перед собой Северов неожиданно увидел завораживающий рисунок природы, написанный гениальной кистью Всевышнего. Через ущелье, в ярко освещенном осенним солнцем пейзаже, сияло все великолепие непередаваемой палитры осенних красок десятков видов деревьев и кустарников – от ярко-красного цвета до настоящего золотого перелива. Дети леса были расположены в такой стройной гармонии, что казалось: кто-то специально разместил их на этом природном полотне, чтобы показать всему человечеству, что такое земная красота.

Внезапно сильнейший порыв ветра сорвал в один момент с тысяч деревьев миллион листьев и, подняв их в небо, заслонил этим пестрым полотном солнце. Это был миг сказочного озарения осени, ее прощания и подготовки природы к новому этапу своего земного цикла – к зиме.

– Ладно, Степа, сворачиваем к клинике, – скомандовал Сергей, невольно вдохнув всей грудью чистый горный воздух, и улыбнулся от внезапно пережитых ярких эмоций общения с таинством природного явления.

Велосипедисты весело помчались вниз с горы по узкой тропинке, по золотому ковру из листьев к красивому, похожему на средневековый замок трехэтажному особняку с окошками, весело наряженными цветниками, и ярко-красной черепичной крышей...

– Шеф, а шеф, вас сопроводить? – вяло спросил Степа, услужливо открывая дверь в клинику перед Сергеем.

– У входа жди. Расслабься! И не изображай из себя Рэмбо. Я денег никому не должен, так что жизнь моя в полной безопасности... – Сергей зачем-то остановился и внимательно посмотрел в мутные глаза охранника.

– А хулиганы, шеф? Опасности надо бояться, пока она не пришла.

– Это мудро, – согласился с улыбкой Сергей.

– Согласно статистике, опасны обыкновенные подонки и отморозки. Но вы, шеф, сами кого угодно с первого удара, – оправдывался телохранитель, мгновенно меняя выражение лица с грозного на смиренное.

– Степа, все хулиганы здесь – только больные швейцарские пенсионеры и еще два опасных придурка, – Сергей театрально посмотрел по сторонам.

– Что за придурки? – напрягся, оглядываясь, Степа.

– Мы с тобой, Степа. Так что не парься. Стой здесь и не выслуживайся. Зарплату все равно не подниму, – Сергей дружелюбно улыбнулся и хлопнул по плечу телохранителя так сильно, что тот, не удержав равновесия, пошатнулся...

– Я и не надеюсь, шеф. Для меня главное не деньги, а ваша безопасность, – делая обиженное лицо, произнес охранник.

– Ты, Степа, хохол, и для тебя деньги главное. Поэтому я тебе и доверяю. Плачу и доверяю. Знаешь историю, как два хохла поспорили на десять долларов, кто дольше пробудет под водой?

– И что? – с живым интересом спросил Степа.

– Да ничего. Оба утонули.

Только спустя два часа Сергей вышел от врача. Он был бледен и от этого выглядел как-то по-особому торжественным и даже помолодевшим.

– Все в порядке, шеф? – осторожно поинтересовался Степа.

– Все в полном порядке, Степа. Начинаем жизнь заново.

– Значит, вы здоровы? – уточнил охранник.

– А как же! Лучше десять раз тяжело заболеть, чем один раз легко умереть, Степушка. Не зря я столько капусты здесь оставил. Говорили мне, что эта клиника – самая правильная в мире. Все в этой жизни решают, брат, деньги. Деньги и Бог. Но Бога за деньги тоже можно уговорить грехи скостить. Церквушку деревянную в селе Верхние Пятки построил – и ты снова святой. Можно дальше с девчонками зажигать...

– Я анекдот знаю, – неожиданно перебил шефа Степа. – Новый русский попал в ад и говорит: «Апостол Петр! Вы перепутали. Я бабла кучу отдал на два детских дома, на пять храмов, а вы меня в ад. Это ошибка!» Достали распорядители небесной канцелярии записи и говорят: «Всё правильно. Два детских дома построил, пять храмов восстановил. Все правда. Деньги мы вам вернем, но, к сожалению, вам в ад».

– Пошлый анекдот, – недовольноотреагировал Сергей и восторженно продолжил: – Великая швейцарская медицина! Я здоров! Сегодня на радостях напьюсь.

– Ну, шеф, вы титан. Любую проблему на раз, – искренне восхитился, неприятно захлебываясь слюной от радости, Степа.

– Ладно, хватит болтать. Собираемся. Завтра улетаем, – тоном, не терпящим возражений, сообщил о своем решении Сергей.

– Заказываем борт на утро? – включился бодро в работу Степа, хватая свой мобильный.

– Ты что, меня не слышишь? Новая жизнь! Хочу чудить! Полетим как все.

– Берем «бизнес», что ли? – недоверчиво спросил с глуповатой улыбкой Степа. Он был уверен, что шеф его, как обычно, просто разыгрывает.

- Нет, я не шучу, Степа, полетим... как его называют – ну, самый простой тариф?
- Ну, «бизнес», шеф, и есть для вас самый простой. «Бизнес» для вас простой, как велосипед. С народом можно пообщаться... – искренне подсказал Степа.
- Голову мне не пудри. Куража хочу. Экстрима желаю. В «экономе» полетим. Клоунов живых видеть хочу. Доктор сказал – мне радости в жизни не хватает.

Полет – это летопись человеческих попыток оторваться от земли.

Полет – это прыжок человека к небу.

Полет не знает тяжести лет.

Полет – это отрыв от притяжения земли,

Полет – это очищение от сора повседневности,

Полет – это глоток свежего воздуха,

Полет – это попытка вырваться из придуманных земных цепей одиночества,

Полет – это лекарство от болезни ходить по земле,

Полет – это улыбка,

Полет – это вдохновение,

Полет – это радость,

Полет – это свобода чувства,

Чувства восторга влюбленных,

Чувства озарения открытия.

Полет – это взмах крыльев ресниц любимой,

Полет – это вдохновенная капля чернил поэтической строки,

Полет – это судорожный поиск кисти художника новой гармонии красок,

Полет – это отчаянный взлет и падение дирижерской палочки,

Полет – это блаженство летних снов,

Снов с запахом полевых цветов,

Запахом полевых цветов сладкого поцелуя детства...

Сколько невероятных полетов может совершить

за свою короткую и долгую земную жизнь человек!

Человек, летящий над землей!

Самолет уверенно набирал высоту. Салон эконом-класса был полон пассажиров и готовился к привычной дремоте. Северов напряженно вспоминал, когда он последний раз летал в «экономе», и не мог вспомнить. Последние пятнадцать лет жизни он даже не произносил слова «экономкласс». Кстати, экономить Сергей любил на всем, только не на охране и не на себе. Охрана может предать. А предадут, когда мало платят. Себя бизнесмен безмерно любил, без ограничений окружал всяческими житейскими ласками комфорта и упивался ими.

Сергей давно отделил себя от смертных людей особыми стандартами жизни, которые делали его, как он всем говорил, Человеком Мира. Частный самолет, двухпалубная яхта, охрана, VIP-клубы... Это была его жизнь, где он был королем желаний. Иногда он придумывал себе новые мечты: купить остров вместе с людьми и создать собственное новое государство, где он будет править подданными, или, например, создать на этом острове лекарство от бессмертия... А пока здесь, в Швейцарии, каждые три года он получал инъекцию бессмертия, которая, по заверению светил медицины, замораживала механизм старения, а возможно, даже давала шанс достигнуть бессмертия... Это была вытяжка из эмбриона ягненка. Управлять здоровьем и жизнью легко, уверяли швейцарцы. Но в этом году произошло непредвиденное...

– Шеф, я снова выиграл. Третий раз! – радостно, как ребенок, воскликнул Степа, показывая козырного туза.

– Игра дурацкая, – недовольно произнес Сергей и брезгливо бросил карты.

– Она так и называется, шеф, «дурак»! – подтвердил довольный Степа, беря с кона бумажку в сто евро.

– Понимаешь, Степа, ты зря радуешься. Тебе играй не играй, а все дураком по жизни будешь. В эту игру дурацкую сам и играй. Она – твоя фирменная.

– Да вы же сами, шеф, предложили сыграть в дурака и теперь всех собак на меня. Я же не виноват, что мне везет...

– Тебе везет? Тебе везет, что ты, дурак, при мне живешь и ешь мой хлеб с черной икрой, отдыхаешь на халяву в Швейцарии, – Сергей не на шутку разнервничался от проигрыша и язвительно завершил: – Дуракам везет, Степа.

– Вы не могли бы немножко подвинуться? – робко произнесла девушка в красном костюме, сидящая рядом у окна. Только сейчас Сергей обратил на нее внимание. Он по привычке развалился в кресле так вальяжно, что незнакомка вынуждена была придвинуться всем своим хрупким телом вплотную к иллюминатору.

– Извините, – грубо выговорил Сергей и слегка отодвинулся от нее.

– Ничего страшного, – приятным, мелодичным голосом ответила девушка.

«Развалилась, клоунесса», – зло подумал Сергей, но непреодолимая магия голоса девушки заставила его еще раз взглянуть на нее. Она была хороша собой. Особенно поразили Сергея огромные, как у инопланетянина, наивные, светящиеся как-то по-особому, изнутри, голубые глаза. Глядя в них, бизнесмен как будто неожиданно провалился в какой-то мир глубины, неведомой доселе. Сергей с большим трудом отвел свой взгляд от ее глаз. Он почувствовал впервые в жизни, что мечтал бы смотреть в эти глаза всю жизнь, просто смотреть, и все. Это было странное чувство блаженства, длящееся секунду, минуту, целую вечность. Взяв себя в руки, Сергей решил отомстить девушке за свою неожиданную слабость.

– Как тебя зовут? – нарочито развязно спросил он.

– Вера, – ответил магический голос. – А вас?

– Надежда, – зачем-то глупо пошутил Сергей.

– А меня зовут Любовь, – с пошлой улыбкой вставил телохранитель.

– Вы шутите с Надеждой и Любовью, – проворковала серебряным голосом девушка и грустно улыбнулась: – Они часто не прощают насмешек над собой.

Сергей почувствовал неприятный озноб от ее слов.

– Я мечтал бы, чтобы меня так нарекли: Надежда или Любовь, – зачем-то начал оправдываться он. – Почему женщины имеют привилегии и узурпировали Веру, Надежду и Любовь? Это несправедливо, – Сергей пытался вернуться в привычное для себя уверенное, развязное состояние, нагнетая в себе циничные мысли. «В моем самолете, на диване, ты бы за два часа полета узнала, что значит настоящая любовь, дуреха», – взгляд Сергея неожиданно упал на дышащую привлекательным теплом юную грудь девушки, и сердце его забилося еще больше от волнения.

– Я не понимаю вас, зачем вы думаете о людях так цинично? – произнесла девушка, накидывая на плечи палантин. Сергей растерялся: «Она читает мои мысли?! Нет. Нет. Это просто совпадение!»

– Чем вы занимаетесь? – зачем-то поинтересовался Сергей.

– Я врач-кардиолог, – ответила Вера и слегка покраснела.

– Сердце, тебе не хочется покоя... – пропел Степа, протягивая шефу виски.

– Девушке налей, балбес. Ох, Степа, дурачок, сколько тебя учить? – властно сделал замечание Сергей. Он любил унижать подчиненных на людях, возвышаясь тем самым над ними до небес.

– Я не пью спиртного. Пьянство – это добровольное сумасшествие, – спокойно произнесла девушка.

– А вот в некоторых религиях Японии считается, что алкоголь вызывает откровение, а откровение – это и есть Бог, – заметил Сергей, зачем-то залпом осушив бокал.

– Я пью только вино, которое делает моя бабушка. Оно действительно вызывает откровение.

– А виски – то же вино, дает откровение и смелость, – глупо пошутил Сергей.

– Каждый делает то, что диктует ему его душа, – произнесла девушка и отвернулась.

– Смотрите, как швейцарец на нас смотрит, – неожиданно сменил тему Степа.

На кресле с правой стороны на них действительно с удивлением, не отводя глаз, пристально смотрел пожилой мужчина в типичном для швейцарцев клетчатом пиджаке.

– Как объяснить тупым швейцарцам, что для нашего человека одна бутылка виски нормально, две много, а три мало? – засмеялся Степа.

Сергей заметил мимолетный взгляд девушки, брошенный в Степину сторону. Он почувствовал неожиданно ревность из-за взгляда, подаренного ею охраннику. Ему даже показалось, что это был взгляд женского интереса. «Опять Степка при новой красивой девчонке, а шеф на бобах. Девки, они философию не любят. Они любят простоту и конкретность. Наливай – люблю. Молодцы, девки. Мастерски девки мыслят и живут. Товар – деньги – товар. Недаром мне сын говорит, что у современных девушек женихи проходят тщательный кэш-контроль».

– Степан, вы не правы. Они не тупые. Они просто другие. Каждый человек красив по-своему, – возразила Вера, не оборачиваясь к мужчине.

– А я тоже красив? – спросил сухо Сергей.

– Я пока не вижу вашу красоту. Вы как гадкий утенок. Вы пока не стали белым лебедем, но обязательно должны стать, иначе... – девушка замаялась.

– Что иначе, договаривай, – растерянно произнес бизнесмен и снова почувствовал дрожь по всему телу.

– Иначе вы умрете, – тихо произнесла девушка и замолчала.

– Ты че, Верка, от запаха виски уже аллергия в мозг стукнула? Нашла утенка! Шеф бес- смертен! – агрессивно напал Степа.

– Помолчи. Говори, коль начала, – перебил охранника Сергей. Вера повернулась к Сергею, и их взгляды встретились.

– Красота – это гармония человека. Красота – это когда из человека потоком струится необыкновенная, только ему свойственная музыка любви. Ты ее не слышишь, но ощущаешь каждой клеточкой своего тела.

Северов снова провалился в океан ее голубых глаз. Он не мог ничего говорить.

– А из меня не льется музыка любви? – съязвил Степа.

– Нет, – сухо ответила девушка. Секунду о чем-то подумав, она продолжила: – Вы, Степан, пытаетесь быть сильным, а происходит наоборот. Вы слабы и пошлостью делаете себе больно. Вы скоро останетесь без души. Ее у вас мало осталось, – затем она внимательно посмотрела на Сергея и спросила: – Сергей, вы довольны поездкой в Швейцарию?

– Да нет, мы дедушку ездили хоронить, – зачем-то стал врать Сергей, глядя в пустой бокал. – Думал, что получу наследство, а оказался без денег. Я ведь сторожем на овощехранилище работаю. Летим с братом домой. Последние деньги на билеты истратили. Как жить, и не знаю, – Сергей чувствовал себя во власти девушки и врал из чувства сопротивления. Он хотел вырваться из плена: врать, юродствовать, но вырваться из странного подчинения этим глазам.

– Зачем, Сергей, вы все это говорите мне? – снисходительно заметила Вера.

– Стоп, – неожиданно перебил шефа Степа, – а откуда, шеф, она знает ваше имя?

Сергей не мог понять, что происходит с ним и откуда эта девушка имеет столько власти над ним.

– У вас такое молодое лицо, а вы седой. И глаза у вас красивые, голубые. Вы обязательно должны постараться стать белым лебедем, – произнесла Вера.

– Белым лебедем, говорите, должен стать? – Сергей о чем-то задумался и потом грустно произнес: – Гадкий утенок – это похоже на правду. Меня так мама часто шутя называла. Я игрушки по квартире разбрасывал и рисовать любил так, что все обоим разрисовывал... Как вы узнали мое имя?

– Вам нужно стать белым лебедем, – повторила Вера и, улыбаясь, с иронией спросила: – Ну как же вы в Москве жить собираетесь без денег?

– Ума не приложу. Хоть вешайся... Придется пешком из аэропорта шлепать до Балашихи. Там мы живем в общежитии, – Сергей зачем-то сделал скорбное, жалкое лицо.

– Самоубийство – это грех. А вы этим занимаетесь многие годы, – девушка это произнесла с сожалением, без улыбки. У Сергея неожиданно закружилась голова.

– Я вот здесь сэкономила из своих командировочных немного... Возьмите, – девушка протянула Сергею сто франков. Глаза ее пристально смотрели в глаза бизнесмена, и ее властный взгляд стал проникать внутрь его души и блуждать там, больно освещая все ее темные, затаенные уголки.

– Ну, шеф, девка зажигает! – восхитился Степа.

Сергей усилием воли усмехнулся, небрежно взял купюру из Вериных рук и сунул ее в карман брюк. Его внезапно и еще сильнее охватил озноб. Он закрыл глаза и провалился в странный сон. Сергею снилась мать. Она вела его за руку по узкой горной тропе, а вокруг была равнина и пели райские птицы. Сергей чувствовал, что ему не более пяти лет, но он почему-то намного выше матери. Он дышал каким-то густым вкусным воздухом, и ему казалось, что если бы мама не держала его за руку, то он бы улетел на своих крыльях. Он их ощущал, но не видел. Он был уверен, что может летать. «Осторожнее иди по тропинке судьбы, сынок! Ты близок к обрыву». Тропинка становилась все уже и уже, а с двух сторон вместо равнины его стали окружать страшные ущелья, которые как будто сжимали тропинку. Наконец тропинка совсем исчезла. Дальше нужно было уже лететь или падать в пропасть. «А где мама?» – испугался Сергей. Ее не было рядом. Сергей боялся лететь, но он еще больше боялся упасть в пропасть. Неожиданно он полетел – откуда-то появились крылья. Но пролетел он немного: пошел сильный ливень. Крылья промокли. Сергей обернулся в поисках места, куда бы он мог опуститься, но ничего не нашел и стал стремительно падать в пропасть. Мамы не было, но вдруг он услышал ее пение из детства. И хотя тропинки он так и не нашел, спустя мгновение он понял, что, мокрый, но целый и невредимый, стоит прямо перед пропастью. «Это мама снова меня спасла», – подумал он.

Самолет шел на посадку. Северов открыл глаза и почувствовал, что рубашка его мокрая. «Неужели я так вспотел?» – подумал Сергей.

– Как спалось, Надежда? – спросила, улыбаясь, Вера. – Помните, вам необходимо стать белым лебедем, – снова настойчиво сказала она. Сергей никак не мог отойти от странного сна и молчал. Ему было очень холодно.

– Надежда всегда в России спит хорошо. Так спит, что ее никто не видит и не слышит. Нет Надежды в России, и Любви нет, и Веры не стало, – философствовал Степа. – А я все переживал за вас, шеф. Вы когда спали, то холод от вас шел такой, как будто вы, простите... умерли. И дышали так тихо... Я вас и пледом накрыл. Очень странно вы спали, шеф... – с испугом произнес Степа. – Вера, а вы мне свой мобильный оставьте. Я вам позвоню, – обратился он потом к девушке. Сергей заметил, что Степа перешел с девушкой на вы.

– А у меня нет мобильного телефона. Он мне не нужен.

– Как не нужен? – удивился Степа.

– Я всего лишь врач. Позвоните, когда приедете, дежурной санатория и спросите Водичину Веру. Меня сразу найдут, – девушка протянула Степе записочку. Сергей сидел мокрый от пота, подавленный и молчал. Ему вдруг стало снова не по себе, страшно и холодно. «А может, я действительно мертвый?..» – с ужасом подумал он.

Глава 2

Утренняя Москва встречала Северова проливным осенним дождем. Водитель молча вел послушный «Мерседес» домой, на проспект Вернадского. На первом сиденье сидел довольный собой и жизнью Степа и важно командовал по рации охранниками из машины сопровождения.

– Первый, через сто метров уходим направо. Как слышишь?

«Странные типы эти охранники. Играют в войну, как дети, а если что посерьезнее, наверняка бросятся драпать врассыпную...» – подумал Сергей, зевая. Он решительно попытался забыть утренний полет, странную девушку, странный сон с мистической мокрой рубашкой. Было восемь часов утра, и, чтобы не будить домашних, Сергей открыл дверь своим ключом. Он на цыпочках прошел в свой кабинет, аккуратно снял еще слегка влажную рубашку, раскрыл чемодан, достал подарки, купленные всем членам семьи, и вновь почувствовал какой-то странный холод в груди. Сергей принял горячий душ, чтобы согреться и расслабиться. Надев домашний теплый халат, он зашел в парадный зал, украшенный коллекцией картин Рериха. Как долго его здесь не было! Здесь, в его доме, все было до мелочей и до боли знакомо, но почему-то все казалось чужим. Даже любимый рояль встречал хозяина холодно и молча, с достоинством сверкая бежевым лаком и элегантностью короля инструментов. Сергей зашел в спальню. На кровати, свернувшись по-детски калачиком, спала его жена Тамара. Сергей посмотрел на Тamarу отчужденно, как на незнакомого человека. Даже во сне, без макияжа она была очень красива. Несмотря на свои сорок лет, она выглядела на тридцать, и это была победа либо мировой косметологии, либо хорошей генетики, либо того и другого. О возрасте могла говорить лишь небольшая полнота фигуры, но и она придавала женщине особое очарование. Ее правильные черты лица слегка портили лишь узкие губы, но именно они в полной мере отражали волевой и жесткий характер Тамары. «Сейчас я поцелую ее, как прежде, утону в жарких объятиях, как это было в юности, и холод уйдет из души», – подумал Сергей и чмокнул жену в щеку. Неприятный, жуткий холод обжег его губы.

– Привет. Я еще посплю? – сквозь сон дружелюбно прошептала Тамара.

– Спи, – тихо сказал Сергей и прошел на кухню. Душ и махровый халат не смогли согреть его тело. Захотелось немедленно выпить коньяку. Может, старый добрый коньяк обдаст теплом душу, и, как прежде, этот дом оживет смехом детей, радостью встречи с возвратившимся с лечения отцом. Сергей медленно выпил половину бокала ароматного напитка, подождал, когда тепло начнет мягко струиться по кровеносным сосудам, заел лимоном с кожурой и тихонько, на цыпочках, вошел в комнату старшего сына. «Коля такой взрослый в свои двадцать и такой еще ребенок по восприятию мира», – подумал Сергей. Сын спал спокойно, чуть посапывая, широко раскинув свои длинные тощие руки. Вещи в комнате были, как всегда, разбросаны с вызывающей небрежностью. Неопрятность всегда раздражала Сергея в людях. Он всегда был уверен, что успех личности начинается с порядка. Этому его научили в военном училище, этому он старался следовать всю жизнь и требовал этого от подчиненных. Но в детях этого воспитать не удалось. Служба безопасности компании докладывала ему о божемной жизни сына в последние годы. Ночные клубы, девушки, покупка экзаменов и зачетов – все это вызывало протест у Сергея, но Тамара была убеждена, что виновато сегодняшнее время, а дети лишь приспосабливаются к его вызовам. Переносить же свои старомодные принципы и привычки на современную молодежь, считала она, просто пошло. Проблема воспитания детей в последнее время была причиной их частых семейных конфликтов, и Сергей со своей жесткой позицией всегда оказывался в одиночестве. Он знал, что дети обижаются на него из-за его бережливости, педантичности и за глаза зло называют жмотом. Сергей же с упорством быка продолжал навязывать им свою жизненную позицию, часто повторяя: «Кто покупает лишнее, тот в конце концов продает необходимое». Тамара, напротив, щедро распаивала двери бутиков для детей и исполь-

зовала все свои силы, чтобы создать для них рай на земле. Главным чувством, движущим этой женщиной, была всепоглощающая, слепая материнская любовь. Победить эту любовь и привить такие понятия, как «прагматизм», «мотивация», «справедливость», «заслуги» было невозможно. Борьба закончилась полной капитуляцией, Сергей смиренно опустил руки и с тех пор воспринимал все происходящее с женой и детьми как данность.

Сергей вышел из спальни, прошел в гостиную и включил телевизор. Мир политики и лжи голосом диктора заструился из телевизионного эфира. «Боже! Что происходит? Я сплю? Или я умер, как сказала эта девушка в самолете?» Он почему-то неожиданно вспомнил ее глаза, и дрожь охватила его тело.

– Что ты так громко телевизор включил! Позже не мог рейс поставить, чтоб других не будить?! – раздраженно выговорила супругу Тамара, войдя в гостиную в халате, и демонстративно властно выключила телевизор.

– Прости, я на рейсовом прилетел, – спокойно, немного рассеянно произнес Сергей.

– Снова приступ патологической скупости? Совсем рехнулся. Уже на себе, дорогом, стал экономить? На тот свет бабло свое не заберешь. В гробу карманов нет.

– Не беру, – спокойно подтвердил Сергей. – Все тебе оставляю.

– Да я сдохну раньше тебя. Я эмбрионы ягненка себе не вкалываю, до трехсот лет, как ты, жить не собираюсь. Всю жизнь в нищете прозябаем из-за твоей жадности. Детей пожалел бы! Тебе лишь бы денежные знаки собирать, а им пожить хочется, пока молодые. Ладно, я по сравнению с подругами одеваюсь, как сирота казанская: ни одного бриллианта свыше трех каратов за всю жизнь не подарил, самому должно быть стыдно. А я тебе двоих детей родила! Они из меня все соки выжали: мне зубы каждый год протезируют! В сорок лет меня в старуху превратил, на ходу разваливаюсь! Мне каждые три месяца в санаторий надо ездить здоровье поддерживать, а я здесь как проклятая на хозяйстве: то квартира, то загородный дом, одной прислуги восемь человек на мне, и каждому надо задание дать, проследить, как выполнили. Как раба, вкалываю...

Сергей не мог дальше слушать жену. Он по привычке отключился от ее слов и задумался. Этот бред лился на него в последние годы все чаще и чаще... Жизнь в семикомнатной квартире в элитном доме на проспекте Вернадского и в трехэтажном загородном доме на Рублевке, водители, охрана, исполнение малейших капризов – все это действительно рождало нищету. Нищету не материальную, а духовную. Тамара постоянно приводила безумные примеры благополучия ее подруг из высшего общества, рассказывала с восторгом и завистью, какие бриллианты дарят им мужья – чиновники-взяточники... Но так было не всегда... Сергей вспомнил, как познакомился с Тамарой.

Это было около двадцати лет назад в Москве, на вечеринке его друга в аспирантском общежитии. Тамара была из простой рабочей семьи из уральского городка Красновишерска. Отец и мать трудились в поте лица на алмазных приисках, чтобы хоть как-то прокормить семью и дать детям образование. Тамара мечтала стать учительницей и заканчивала педагогический институт, а Сергей учился в аспирантуре института военных переводчиков и через год должен был защититься и стать кандидатом филологических наук. Скромность, даже некоторая неуверенность в себе делали девушку трогательной и притягательной. Сергею хотелось стать защитником Тамары и оберегать ее хрупкий мир от бурь житейских невзгод. Тем более, он видел себя всегда русским офицером, защитником Отечества. Пусть даже если это служба за границей, в логове врагов. Сергей влюбился без памяти. Это были самые счастливые дни их романтической истории. Они встречались недолго – не более двух месяцев. Сергей хоть и был влюблен, но достаточно трезво и прагматично оценил моральные качества девушки, ее предрасположенность к семейной жизни и сделал ей предложение. Ему долгое время было хорошо рядом с Тамарой. Она боготворила Сергея за его научные достижения, гордилась каждой его маленькой победой, с фанатизмом молодой мамы воспитывала детей. Потом произо-

шел неожиданный изгиб его судьбы: уход в спецслужбу, два года в Афганистане, секретные командировки в горячие точки мира. Там Сергей увидел реальную мировую власть – власть денег – и ничтожную цену жизни. Сознание его перевернулось, и романтика подвига стала вытесняться прагматизмом выгоды получения жизненных благ. Сергей оказался тем человеком, кто притягивает успех, притягивает деньги, имея на них особое, звериное чутье.

Семейное счастье длилось до тех пор, пока в семье не поселилось искушение по имени Богатство. Приватизацию Сергей встретил после волевого ухода со службы как подарок судьбы. Он почувствовал, что пришло время прагматизма, и это было его время. Они создали с товарищами по институту инвестиционный фонд и стали скупать ваучеры у нищего населения страны за копейки, а чаще за дешевую левую водку, а на ваучеры лихо скупать акции бывших государственных предприятий. Сергей шел к своей цели – богатству – разрушая все на своем пути. Люди, судьбы – все пролетали перед его взором, как маленькие разменные пешки в великой битве за могущество власти денег. Тамара была всегда рядом и поддерживала его в этой борьбе. Азарт накопительства охватывал и ее с особой силой, и эту разрушительную для души силу Сергей был не в состоянии сдерживать. Тамара радовалась новой роскошной жизни, как ребенок, изучая мир элиты, ее законы поведения. Природная способность быстро адаптироваться к новой жизни помогла Тамаре завести знакомства среди жен политиков и бизнесменов. Она знакомилась с влиятельными особами в бутиках и СПА-салонах и умела скреплять и поддерживать эти контакты, превращая их в дружбу. Тамара стремительно организовывала свою жизнь по-новому, вычеркивая из нее всё и всех: ничто не должно было напоминать о прошлой жизни вне достатка. Шальные деньги за короткий срок превратили нежную, наивную женщину в бездуховную, самодовольную, уверенную в себе высокомерную мещанку. Тамара самоутверждалась в новом мире, даря дорогие подарки новым друзьям из высшего общества, демонстрируя свою состоятельность, а порой и превосходство над ними. Она часами рассказывала своим новым подругам об отдыхе на Бали, о своих влиятельных друзьях в политике. Незаметно для себя Тамара стала относиться к Сергею, как к своему личному кошельку, самовоспроизводящему золотые монеты и обязанному делать это все больше и больше. Она не замечала, как резко стала обращаться с прислугой и даже допускать развязное хамство по отношению к самому Сергею. Сергей же бежал вперед, порой не замечая изменений, происходящих в жене, не замечая, как растут его дети, не замечая, как меняется сам. Он не хотел ничего замечать и видеть, кроме огней огромного жизненного казино под названием «Богатство». Сначала он мечтал о самой дорогой машине, о самой дорогой квартире, загородном доме, яхте, самолете, а потом о положении великого политика. Сергей воспринимал политику как управление общественными делами ради выгоды частного лица. Этим частным лицом Сергей видел исключительно себя. Но восхождение к политике прервала болезнь.

Заметил перерождение жены Сергей случайно, четыре года назад, восьмого марта две тысячи восьмого года. Как обычно, на пустом месте у них разразился какой-то мелкий семейный скандал: Тамара просила купить сыну новую машину. Жена как будто ждала этого конфликта и неожиданно резко заявила, что готова развестись с Сергеем в любой момент. Слово «развод» прогремело для Сергея как гром среди идеально выстраиваемого годами стабильного бизнеса. «Половина имущества нажита совместно, с детьми мы проживем на эти деньги безбедно и сможем, не спрашивая тебя, покупать необходимые вещи!» – заявила она тогда. Под «необходимой вещью» здесь подразумевался автомобиль «Лексус» для сына. Сергей резко отреагировал на ультиматум и сгоряча пообещал в случае развода выгнать ее из дома в одних тапочках. С этой поры Тамара демонстративно и с новым рвением стала развращать деньгами детей, учила их оценивать весь мир и людей цинично, исключительно через очки, где вместо стекол должны быть вставлены долларовые купюры. Тамара стала очень завистлива, вспыльчива, вечно недовольна жизнью и окружающим ее миром. Хорошо одеваться и жить богемной жизнью со временем ей стало мало. Тамара хотела царствовать среди элиты Москвы...

Эта мечта, естественно, никогда не могла реализоваться – Сергей не был политиком – и это обстоятельство делало ее поистине несчастной. Сергей умом отчетливо понимал, что Тамара психологически была не готова выдержать тяжесть свалившихся на нее благ, но вылечить жену от страшного недуга он не мог. «За свою душу борется каждый в отдельности», – сказал как-то ему знакомый священник. Сергей понимал, что священник прав, и перестал обращать внимание на Тамару, тем более что большинство женщин ее круга страдали той же неизлечимой болезнью – погоней за благом. Единственное, что удручало Сергея в данной ситуации, – это дети, которые быстро заразились вирусом мещанства от матери. Влияние на детей Сергей потерял давно, в большей мере потому, что Тамара внушала им последние пять лет неуважение к отцу: называла его за глаза жмотом и даже неудачником, а себя представляла в роли кормящей семью матери. Сергей ощущал вину перед детьми за неучастие в воспитании, невнимание к их проблемам, но дети выросли без него, и это были не его дети – это были чужие дети, рожденные когда-то при его участии в какой-то далекой другой жизни, на какой-то другой далекой планете, с другими законами жизни.

*Испытания – это **пыт**ки совести,
Испытания – это **опы**ты познания,
Познания мира,
Познания себя,
Познания себя в этом мире.
Испытания – это **пыт**ки,
Пытки острой болью,
Ненавистной болью,
Обидной болью.
Болью от непостижимости познания настоящего,
Познания будущего,
Познания смысла настоящих и будущих испытаний.
Испытаний очищающих,
Испытаний озлобляющих,
Испытаний, просветляющих души.
Души, трепетно переносящие испытания,
Переносящие испытания через рвы злого
отчуждения к вершинам,
Вершинам счастья, освещенным горящими
глазами исполинов.
Исполинов, смеющихся огнем вулканов,
Вулканов всемогущества человеческой воли,
Воли, превращающей лаву земных испытаний в
безобидный пепел,
Пепел плодородия земной жизни.*

Тамара, облаченная в яркий шелковый халат-кимоно, театрально размахивая руками, продолжала яростно излагать Сергею какие-то поучительные истины, замешанные на упреках, но он не слушал ее, он научился не слышать ее, не замечать, не любить, не чувствовать...

– Я устал. Пойду отдыхать, – твердо прервал он поток ее претензий.

– Ты даже слушать меня не хочешь, жлоб! – полетел ему вслед полный ненависти упрек жены.

В кабинете Сергей неожиданно вспомнил, что так и не ознакомился с посланием профессора Клауса. Старик настойчиво просил внимательно прочитать письмо сразу по приезде

в Москву. Сергей был уверен, что это очередная просьба-намеки на персональные чаевые за успешные результаты лечения. Так было всегда, но в этот раз Сергей вспомнил какую-то дрожь в голосе доктора – профессор был явно чем-то озабочен. На прощание он очень грустно сказал:

– Может быть, и наша вина, что мы просмотрели развитие болезни. Она настигла всех нас исподтишка и там, где мы ее не ждали. Но сегодня мы сделали чудо. Радуйтесь жизни, но помните: смысл жизни и есть сама жизнь.

Тогда Сергей подумал: «Циники! Бабла выкачали из меня целый мешок, а теперь цену себе набивают, о смысле жизни рассуждают, о коварстве болезни. Чудеса они делают! Только эти чудеса за мой счет. Я и мое бабло – вот главные волшебники». Власть денег Северов ценил безмерно. Деньги – это эликсир, ведущий к бессмертию. Только неожиданная болезнь, страшная болезнь поколебала на какое-то время его веру во всемогущество денег. Диагноз «раковая опухоль» был поставлен случайно в Поликлинике № 1 на Мичуринском, куда Сергей обратился с жалобами в связи с обострением язвы желудка. Диагноз настолько поразил Сергея, что он на какое-то время даже перечеркнул всю прошлую жизнь и заставил себя посмотреть на мир через призму обыкновенного смертного человека. Он стал добрее к окружающим, начал радоваться простым вещам: солнцу, пению птиц, улыбке прохожего... Сергей видел, что профессура элитной московской клиники выглядела на консилиуме растерянно, глядя на его снимки. Именно в этот момент по их лицам он понял, что его жизни грозит реальная опасность. Месяц лечения в Швейцарии заставил посмотреть на жизнь по-новому, но его успешное выздоровление вновь возвратило Сергея в привычную обстановку богемной повседневности, и об этой неприятной страничке жизни хотелось забыть немедленно, навсегда. Сергей неаккуратно, нервно раскрыл письмо. Оно было написано красивым почерком на русском языке. Сергей сразу догадался, что письмо под диктовку профессора писала медсестра Анна – русскоговорящая помощница доктора Клауса, влюбленная в него до одури старая дева.

Господин Северов!

Я лечил Вас полгода и, как смог, локализовал влияние болезни на Ваш организм. Медицина, к сожалению, лечит саму болезнь, но не ее причины. Все болезни тела – от болезни души. Об этом знают все врачи мира, но не хотят признаться в этом, иначе останутся без работы. Я не боюсь остаться без работы, поэтому говорю Вам правду. Ваш рецидив – в проблемах Вашей души. Вы можете мне не верить, но если Вы не вылечите свою душу, болезнь скоро вернется и убьет Вас окончательно. Тогда никто больше не в силах будет спасти Вас. Спасти себя сможете только Вы сами, если как можно быстрее поймете, о чем я говорю. Вы давно смертельно больны душой. Вы не живете в гармонии с самим собой. От Вашей души веет страшным холодом... Вам осталось жить не более двух лет. Простите за правду. На все Божья воля. Смерть – это всего лишь разрешение духовного тупика.

Ваш доктор Клаус

«Вам осталось не более двух лет...» – повторил вслух Сергей. Он выпил залпом полстакана коньяка и рассмеялся. «Ну хамье, швейцарские ублюдки! Такие деньги им заплатил! Гниды! Два года! Божья воля! Духовный тупик! Подонки! Удавлю!! Засужу!!»

Сергей заметался по кабинету, как загнанный зверь. Он понимал, что всемирное светило доктор Клаус говорит правду, но не хотел эту правду принимать. Необузданная ненависть ко всему миру охватила все существо бизнесмена. Сергей бился в истерике, выкрикивая сплошную безобразную, нецензурную брань. Он не видел перед собой никого: ни испуганной жены и детей, пытавшихся его успокоить, ни приехавшего по вызову жены Степу. Сергей доставал друг за другом альбомы с фотографиями и разбрасывал их по кабинету, истерически смеясь и ругаясь. Фотографии с образами из прошлого мелькали перед его глазами и отражались в

сознании, как в смешном детском мультике. Сергей видел в перевернутом виде жену, детей, Степу. Они были уже по ту сторону жизни, и чем испуганнее становились их лица, тем истеричней смеялся Сергей. Наконец очередная доза коньяка сделала свое дело, и его размякшее тело без сил повалилось на диван.

— У него белая горячка. Если повторится, надо сдать его в клинику для душевнобольных, — жестко произнесла Тамара, пристально глядя Степе в глаза. Степа заботливо накрыл шефа теплым пледом и покорно сел в кресло ждать его пробуждения.

Как Сергей приехал и открыл дверь, Тамара сквозь сон услышала, но притворилась, что спит. Ей просто не хотелось видеть мужа. Она не любила его. Он вызывал у нее ощущение брезгливости. Это чувство отвращения возникло не сразу. Оно накапливалось многие годы по капле, наполняя сосуд ненависти. Сейчас он был переполнен. Тамара уже не помнила, как образовалась эта страшная трещина в их отношениях. Нет. Помнила. Конечно. Все началось пять лет назад с того письма доброжелателя с фотографией мужа и известной поп-дивы в обнимку на яхте в Монако.

Она устроила скандал и объявила о разводе. Тогда впервые Сергей кричал на нее, с ненавистью выпучив глаза. Да-да, именно тогда впервые прозвучала эта его фраза: «Я человек мира! Мне позволено все». Потом была лавина его упреков в денежном расточительстве, в безнравственном воспитании детей. Именно тогда Сергей стал для нее совсем чужим человеком, и их жизнь медленно стала превращаться в циничный спектакль под названием «Счастливая семья». С той поры Тамара стала серьезно думать о разводе. Ей было так одиноко и жалко себя. Она была молода и красива. Ей так хотелось еще любви. Тамара всегда помнила, а Сергей, наверное, забыл, что именно она в самые трудные годы их борьбы за выживание поддержала его, работала вместе с ним, выполняя самые сложные задания, связанные с финансовыми аферами их тогда зарождающегося бизнеса. Это сейчас их суперкомпания такая белая и пушистая, а первоначальный капитал делался на большом риске сесть за решетку... И часть этого риска она мужественно взяла на себя. Разве половина состояния не принадлежит ей по праву бизнес-партнера? Жутко вспоминать о том времени. И в благодарность за любовь и преданность Сергей опозорил ее перед всем миром, демонстративно развлекаясь в Монако со знаменитыми шлюхами. Даже жена сенатора Брюнkevича сочувственно намекнула ей о похождениях Сергея, которые попали в зарубежную желтую прессу. Интернет кишел комментариями и грязью. Терпение лопнуло. Тамара наняла агентов и неожиданно узнала, что Сергей вместе с другом-олигархом Протасовым содержит в центре Москвы под вывеской модельного агентства «Орион» личный гарем из шестнадцатилетних девушек. Они организовали целую сеть представительств по всей России для подбора и поставки в столицу мечтающих о модельной славе девушек. В снятых и оплачиваемых агентством квартирах девушки жили по восемь человек. С ними занимался персональный психолог, который склонял их к интимным связям с олигархами. Часть девушек, конечно, не поддавалась и уезжала обратно домой, но таких было мало. По большей части девушки выбирали деньги и отдавали за них все, что у них было... Тамара после этого открытия почувствовала себя самой несчастной женщиной на земле. Именно тогда наступил период ее протеста, когда она стала ходить со своими подругами в женские клубы. Ей незаметно стало нравиться там отдыхать. Ей хотелось отомстить Сергею за унижение еще большей собственной распущенностью. От молодых мужчин в клубе пахло такой возбуждающей мужской силой, что не только она, но и все ее подруги с головой окунулись в этот запретный для их общественного статуса мир. Эти женские забавы, которые переходили, как правило, в настоящие оргии, напоминали эротические сны и продлились около года, как прекрасная сказка, пока не разразился скандал. Первой попалась ее подруга Ирина. Ее муж, известный политик, каким-то образом — возможно, с помощью спецслужб и частных агентств — раздобыл видеозапись приватного танца стриптизера Фенички с Ириной.

Ирина плакала, унижалась перед мужем, но развод состоялся очень быстро. И суд встал, как и подобает нашему суду, на сторону сильного, то есть на сторону политика. Как вскрылось впоследствии, Ирина-дура не совладала с собой и пошла в интимный отрыв с Феничкой, что и зафиксировали камеры прямо в клубе. Тамара подругу за этот поступок осуждала и разорвала с ней всякие отношения, в первую очередь из соображений собственной безопасности. Смотря правде в глаза, Тамара была по-настоящему напугана этим скандалом и стала очень осторожна в своих любовных утехах. Она прекратила походы в клубы и стала вызывать стриптизеров на свою съемную квартиру, а уже там, забыв все условности, отрывалась, обеспечивая, как ей казалось, полную конфиденциальность развлекательных мероприятий. И так бы продолжалось вечно, если бы не этот подонок Степа. По заданию Сергея два года назад Степа установил прослушку ее телефона, а она опрометчиво сболтнула что-то о своих мальчиках в разговоре с подругой. Только спустя год она узнала, что все это время в ее съемной квартире оргии снимала камера, и Сергей наверняка цинично развлекался со своими шлюхами, смотря записи ее любовных утех с мальчиками-стриптизерами. Да, это было ровно год назад. В один прекрасный день Сергей спокойно передал ей копии этих записей со словами: «При разводе получишь десять процентов, или я покажу эти веселые картинки судье. Подписывай брачный контракт». Она так была напугана, что подписала его не глядя.

Тамара ругала себя за женскую слабость, но сделать уже ничего не могла. Ей по контракту было назначено всего десять миллионов долларов. К тому времени Сергей из осторожности распустил свой гарем, и никаких козырей у нее на руках не осталось. Она бросилась к частным сыщикам, но было поздно. Сергей был чист, как херувим.

– Что случилось, то случилось, – успокаивала себя Тамара.

Но ей улыбнулась удача. Полгода назад пришла радостная весть – Сергей заболел раком. Появилась возможность освободиться от его ненавистного ига, так легко и просто получить все деньги и зажить свободной счастливой жизнью. А вчера из Швейцарии позвонил Степа и сообщил, что шеф полностью здоров и прилетает в Москву. Значит, он ее просто обманул с болезнью, чтобы в очередной раз унижить и раздавить. Тамара была в состоянии шока. Она не знала, как дальше жить в этой золотой клетке. Ведь служба безопасности мужа следила за каждым ее шагом. Ее любимый мальчик стриптизер Олег так переживает, что их отношения – тайные. Он хочет жениться на ней и быть рядом. Но приходится встречаться на квартирах, как в фильмах про разведчиков. Тамара все время отсутствия Сергея мечтала и даже явственно представляла, как скоро с красавчиком блондином она будет путешествовать по всему миру: Лазурный берег, Монако, Сицилия, Гоа... Она заслужила это счастье, прожив двадцать лет в золотой клетке с этим извергом. Она молодая, ей сорок лет, она успеет еще родить Олегу сына, похожего на него. Это будет новая, счастливая, роскошная жизнь. Но эти ее красивые романтические планы снова поломал Сергей своим чудесным излечением. Надо что-то думать. Годы идут. Надо что-то решать. Решать быстро. В психбольницу, к сожалению, его так просто не упрятать... Но надо рассматривать разные варианты.

Сергей проспал почти сутки и проснулся спокойным, сосредоточенным, с ясным пониманием всего случившегося. Он прочитал еще раз письмо доктора Клауса, вызвал своего адвоката и сел писать завещание. От завещания пахло холодом и смертью. Сергей оставлял двадцать процентов жене, сорок детям и сорок сельскому храму, рядом с которым покоилась его мама. Он завещал похоронить себя рядом с мамой в селе Раднянки Краснодарского края.

Своего отца Сергей почти не помнил. В шесть лет Сергея вместе с младшим братом Федькой родители отдали в детский дом под предлогом, что содержать пятерых детей нет финансовой возможности. Детский дом стал и жизненной школой, и семьей для Сергея и Федьки. Родители их совсем не навещали, и Сергей люто возненавидел их. Но в глубине души продолжал безмерно любить и надеяться, что они все же заберут их домой. Долгие годы он не мог

простить родителям этого страшного предательства. Но пять лет назад что-то необъяснимое внезапно так защемило в душе, что Сергей, отбросив все обиды, поехал к матери в Краснодарский край, купил ей новый дом, дал денег на безбедную старость и поблагодарил ее, что дала ему жизнь. Огромный камень был сброшен с души Сергея. Это было самое счастливое мгновение в жизни, когда, обнявшись с мамой – самым дорогим для него человеком, – он ночь напролет проговорил о своей жизни и проблемах, и можно было говорить все, даже то, чего в этом мире не знал никто. Мама, казалось, понимала его с полуслова и с большой любовью поддерживала во всем. Через год ее не стало. Позже он понял, что сердце щемило от желания проститься с матерью. Сергей долго плакал, провожая мать в последний путь. В его сердце не было упрека, но была огромная боль расставания с детством. «Пока живы родители, они стоят между нами и смертью», – сказал на панихиде священник. Сергей представил, как его тело опускают в могилу рядом с матерью, и ему почему-то не стало страшно... Неожиданно Сергей вспомнил, как они с Федькой в детском доме голодали ночью, деля кусочек хлеба на двоих. В первые месяцы нахождения в детском доме старшие ребята отбирали у них еду и жестоко били за малейшее сопротивление. Ему часто снился детский дом, и возникал панический страх перед голодом. Может быть, поэтому Сергей долго экономил деньги, не покупал дорогих игрушек в виде яхт и самолетов, выглядя в окружении богачей скарредным. Он панически боялся снова стать бедным и голодным. Страхи детства мучают человека до конца его земных дней. Сегодня Сергей освободился от всех страхов. Перед ним был короткий, а может, и очень долгий жизненный путь длиною в два года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.